

Право быть либералом

Беседа доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, писателя **Владимира Ивановича НОВИКОВА** и заместителя главного редактора журнала "Общественные науки и современность" **Нatalьи Михайловны ПЛИСКЕВИЧ**.

Н. Плискевич: Когда мы говорим о либерализме в России, то не можем не признать сложностей, с которыми укоренилось в стране это течение. В то же время беспристрастному исследователю должно быть очевидно, что наши модернизационные успехи прежде всего второй половины XIX–начала XX в. связаны как раз с деятельностью политиков и мыслителей либерального направления. Можно вспомнить и К. Кавелина, и Б. Чичерина, и Д. и Н. Милютиных, и П. Гейдена, и Г. Львова, и многих других. Хотя нельзя не признать и того, что история российского либерализма, его развития на отечественной почве существенно отличается от истории либерализма западноевропейского. И это, бесспорно, дает аргументы строителям разного рода антилиберальных мифов.

На мой взгляд, важную роль в осмыслении места либерализма в отечественной истории играет знаменитая книга А. Ахиезера "Россия: критика исторического опыта", в которой российская цивилизация определяется как цивилизация промежуточная, где идеи либерализма распространены в узкой просвещенной, элитной прослойке при господстве традиционалистских настроений в широких народных массах. Разумеется, сочетание двух социокультурных начал свойственно любому обществу; специфика – в мере их сочетания и в способности "вырастания" либерализма из народной почвы. Не случайно Г. Сорман подчеркивал, что либерализм по природе своей консервативен и вырастает из повседневных нужд и потребностей людей. Но в нашей стране гипертрофированное государственническое начало блокировало низовую самоорганизацию людей, развитие коллективизма за пределами малых общностей (а как раз подлинный коллективизм способствует развитию либерализма). Государство не только не содействовало общественной самоорганизации, а стремилось подавить ее. Хотя российские либералы подчеркивали важность сотрудничества общества с сильным государством. (Не случайно еще в середине XIX в. Чичерин отмечал, что "в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть".)

В наше время миф об антигосударственнической направленности либерализма вылился в ложное утверждение о противоположности государства и рынка, воспринятый как истина и в антилиберальных, и в либеральных кругах. Хотя, скажем, один из столпов современного западного экономического либерализма нобелевский лауреат М. Фридман в книге "Капитализм и свобода", впервые опубликованной в 1962 г. – в годы его полемики с господствующими в тот период идеями о плодотворности широкого государственного вмешательства в экономику, отмечал важную роль государства в развитии здоровой экономики либерального типа. Он подчеркивал, что либералы – не анархисты, и они всячески поддерживают такие меры власти, как установление твердого законопорядка, охрана прав собственности, ее правовая защита, равно как меры по соблюдению контрактов, противодействию монополиям, обеспечению функционирования кредитно-денежной системы, стимулированию частной благотворительности и т.п. (Нетрудно заметить, что все эти функции наше современное государство выполняет весьма неудовлетворительно.)

Это – лишь малая доля мифов о сути либерализма, укоренившихся в нашем обществе и воспринятых большинством представителей российской творческой интеллигенции – и литераторами, и деятелями искусств. На мой взгляд, воздействием антилиберальных мифологем во многом объясняется пафос статьи Л. Аннинского, написанной со свойственным ему изяществом, но и, по сути, невольно заостряющей проблему мифотворчества в важнейшей для страны теме – о путях ее модернизации. Поэтому прежде всего хотелось бы спросить о вашем отношении к позиции Льва Александровича.

В. Новиков: Статья Аннинского произвела на меня глубокое эмоциональное впечатление, и спорить с ней я могу, начиная с эпиграфа. Лев Александрович открыл статью экспромтом на блоковскую тему, но не учел одной детали. Обыгрываемый им эпиграф к "Скифам" "Панмонголизм! Хотя имя дико, / Но мне ласкает слух оно" уже был обыгран самим А. Блоком. В его черновиках к поэме "Возмездие" есть такие строки: "Либерализм! Хотя имя дико, / Но мне ласкает слух оно". То есть Блок как бы травестировал и Вл. Соловьева, и самого себя, он тоже думал: дикое ли слово "либерализм"? Тут я напомним еще один эпизод из блоковской "Автобиографии". Он вспоминал, как в детстве с дедом – А. Бекетовым, от которого он и воспринял либерализм, – они находили в окрестностях Шахматова редкие растения, в том числе и "мельчайший низкорослый папоротник". И этот папоротник Блоку на том же месте впоследствии отыскать не удалось: "очевидно, он заселялся случайно и потом выродился". Тут получилась невольная метафора: на русской почве папоротник либерализма не прижился.

Так что размышления о судьбах либерализма в нашей стране имеют давнюю историю, и сомнения здесь присущи прежде всего самим либералам. Дело в том, что либерализм по природе своей самокритичен, он чужд стремления к единообразию, единомыслию. Истинный либерал вовсе не требует, чтобы все вокруг него были либералами. Художественный поиск возвышается над любой идеологией, в том числе и либеральной. Поэтому, когда в качестве антилиберального тезиса мне бросают: "Все наши классики либерализм отвергали", я отвечаю: "Quod licet Jovi, non licet bovi"¹. Когда классики так высказывались, то делали это во имя более высокой художественной цели. Кроме того, каждый большой художник – конечно, индивидуалист. По необходимости он отстаивает суверенность своего художественного мира от кого угодно, в том числе и от либералов.

И думаю, нам надо учитывать особенности личности самого Льва Александровича. Он – оригинальный писатель, расширивший формат литературной критики, сделавший ее эссеистикой – историософской, моралистической, социологической. Аннинский ввел в критику парадоксальность. И наше поколение критиков и литературоведов училось у него писать, заканчивать статью такой неожиданной парадоксальной петлей, чтобы в итоге получилось многозначное эссе. Поэтому, продолжая известный ряд определений – "фрукт – яблоко", "поэт – Пушкин", "река – Волга", я добавляю "критик – Аннинский". При всех наших с ним разногласиях по конкретным вопросам.

Н.П.: Кстати, то, о чем вы говорите, – форма выражения личности Льва Александровича как истинно свободного человека.

В.Н.: Абсолютно точно. Причем интересно, что когда современные прозаики или поэты начинают писать критические или публицистические статьи, они обычно надевают какой-то "мундир", обозначая свою принадлежность к определенному идейному лагерю. А Лев Аннинский, который не публиковал ни стихов, ни прозы (за исключением интересной книги о его собственных предках "Жизнь Иванова"), свободнее, чем большинство молодых литераторов. В его тексте я вижу стремление человека отстоять в споре с либерализмом свою уникальность. И в этом смысле эссе "Суп из перочинного ножика" – самодовлеющая ценность, где проявилась неповторимая личность Аннинского.

Что касается моей позиции по этому поводу, то мне кажется: человек может по-настоящему проявить свою индивидуальность в искусстве, в любви, но не в политике, потому что в политике оригинальным быть невозможно. Вы верно заметили, что ли-

¹ Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку (лат.) – *Прим. ред.*

берализм не исключает коллективизма. Если я формулирую свою политическую позицию, она не может быть уникальной, она неизбежно должна совпасть еще с чьей-то. И когда после перестройки слово "либерал" перестало быть политически запрещенным, я вместе с другими коллегами тут же попал в разряд либералов: встречал о себе такую формулировку, и она не вызвала у меня протеста. Я согласен с таким "идейным паспортом" и даже как-то сказал на одном из заседаний в фонде "Либеральная миссия", вызвав смех в зале, что я – либерал по крови. Но в данном случае речь идет именно об отождествлении себя с идейными союзниками, ибо в политическом аспекте нужна какая-то общая платформа.

Н.П.: То есть политика как явление социальное не может быть индивидуализирована, хотя каждый определяет свою политическую платформу индивидуально.

В.Н.: Индивидуален я в чем-то другом, а в политическом отношении я должен самоопределился в том спектре течений, который существует в обществе. Но вернемся к Блоку, ругательными словами которого по поводу либерализма часто подкрепляют антилиберальные писания. По-моему, нельзя вырывать эти слова из трагического контекста жизни и творчества поэта – "поругания счастья", "проклятья заветов священных" (слова из стихотворения "К Музе"), в том числе и заветов либеральных. Эти формулы я сопрягаю и со статьей "Крушение гуманизма", и с зафиксированным в книге К. Чуковского блоковским откликом на уничтожение усадьбы в Шахматове, которое он вроде бы благословлял, но ясно, что это – трагическая гримаса. Надо видеть особую цену отречения от либерализма с выражением боли на лице, за шаг до гибели.

Вообще же нельзя забывать, что либерал как личность способен воспринять весь спектр мнений, все позиции, за исключением тех, что противоречат основополагающим гуманистическим постулатам. Как некогда Ж.-П. Сартр сказал: "Экзистенциализм – это гуманизм", я бы сказал: "Либерализм – это гуманизм". Поэтому мне кажется, что наиболее благоприятная почва для литературной интеллигенции – это именно либеральная почва. И самокритика либерализма сродни самокритике интеллигенции, которая ведется изнутри. Ведь интеллигенция постоянно сама себя ругает, но это совсем не похоже на критику в ее адрес, которую часть приходится слышать от тех, кого мы интеллигентами отнюдь не сочтем. То же с либерализмом: я не воспринимаю как конструктивную, заслуживающую внимания критику в его адрес, идущую, например, со страниц газеты "Завтра". А самокритика либерализма – дело святое, и статья Аннинского мне представляется доведенной до гиперболы самокритикой либерализма.

Н.П.: Мне хотелось бы подойти к нашей теме с несколько другой стороны. Существует клише: «России не свойственно понятие "свободы", ей присуще понятие "воли"». Однако и западный мир пришел к понятию "свободы", то есть к самоограничению личности на основе закона, также не сразу. И раз мы смотрим на либерализм сквозь призму литературы, то мне вспомнился такой "ненаучный" пример. А. Дюма-отец в романе "Сан-Феличе", посвященном событиям рубежа XVIII и XIX вв. в Королевстве Обеих Сицилий, описывая нравы неаполитанцев и их реакцию на происходящие события, показывает именно те черты, которыми мы определяем понятие "воля". Прошло два века, и вряд ли современные жители Неаполя придерживаются тех же воззрений, что их предки. Однако у большинства нашей творческой интеллигенции сложилось твердое убеждение, что у русского народа нет никакого желания погрузиться в мир либеральных свобод. Между тем, если мы спросим, хотят ли люди жить "по закону", а не "по праву сильного", то есть быть защищенными от произвола или чиновника, или милиционера, или нувориша, иметь возможность добиться справедливости в суде, то большая часть опрошенных ответит (и это можно проиллюстрировать многими социологическими опросами) утвердительно. Более того, кризис правоохранительной и судебной систем осознается и властями как одна из острейших проблем, о чем свидетельствуют многие заявления нового президента страны.

В.Н.: Действительно, по отношению к этой проблеме мне даже не хочется употреблять слово "миф" (само по себе оно двусмысленно, со своими негативными и позитивными коннотациями). Мне кажется, что это роковое заблуждение, также связанное с

искусственным разделением на "народ" и "эли́ту". Ведь наша дворянская интеллигенция, создававшая русскую литературу, начинала с воспевания свободы. Вспомним строки Блока "Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе". Убежден, что все это не может не опираться на глубинные пласты народного сознания и вообще человеческой природы. Я даже думаю, что идеал либерализма антропологически более глубок и перспективен, чем какие-либо другие.

А свобода от произвола сейчас – одна из самых важных свобод. Потому что в ситуации беззакония и коррупции "воля" становится крайне негативным фактором. Ее проявляют прежде всего те, кто располагают властью и деньгами по отношению к тем, у кого всего этого нет.

Н.П.: Тут мы выходим на более общую проблему, о которой я говорила в начале: о ложной дилемме противопоставления либерализма и государственничества. Почему-то наши современные государственники считают для себя крайне важным отмежеваться от либерализма.

В.Н.: Хотя я совершенно с вами согласен в том, что либеральное государство и государственный либерализм – не иллюзия, у меня все же есть сомнение: сможет ли наше общество эту стратегию осуществить?

Н.П.: Здесь и еще одна проблема – качества самого государства. Не секрет, что, простите за каламбур, качество нашего государства нуждается в качественном улучшении.

В.Н.: Нельзя закрывать глаза на ту печальную реальность, что слова "либерал", "либерализм", "либеральный" стали в современной России ругательными. Можно объяснить это и трудностями переходного периода, и крушением иллюзий конца 1980-х–начала 1990-х гг. Мне кажется, что здесь прежде всего людям творческого труда надо подняться над эмоциями и реально оценить тот вектор движения страны, который был задан сначала М. Горбачевым, а потом Б. Ельциным. Думаю, отношение к ним – своего рода лакмусовая бумажка. Я как литератор готов поставить при жизни памятник Горбачеву за отмену цензуры. В целом, с рядом оговорок, считаю, что нам повезло и с Ельциным. Кстати, на один аспект его деятельности как-то не обращают внимания: Ельцин – единственный наш правитель XX в. (постреволюционного, конечно), который не вмешивался в дела литературы. Вспомним, В. Ленин называл "архискверным" Ф. Достоевского, "махровой чушью" В. Маяковского; И. Сталин был активным руководителем литературного процесса; Н. Хрущев устраивал памятные публичные проработки литераторов и других деятелей искусств, при нем было "дело И. Бродского".

Н.П.: Брежнев вообще получил Ленинскую премию за заслуги в области литературы...

В.Н.: Участие Горбачева можно назвать созидательным: он заставил членов Политбюро ЦК КПСС прочесть "Детей Арбата" и настоял на публикации этой вещи (как некогда Хрущев – вспомним и о его добрых делах – дал "зеленый свет" "Одному дню Ивана Денисовича"). Но самое позитивное участие власти в литературном процессе – ее невмешательство. И при Ельцине никакого вмешательства не было, а после него – началось. Вспомним травлю В. Сорокина, в которой участвовали близкие к Кремлю молодежные движения. И когда мои коллеги по Академии русской современной словесности (не путайте с другой, националистической, академией) составили письмо в его защиту, из 40 ее членов свои подписи поставили только восемь, в том числе ваш покорный слуга. Тогда, комментируя этот случай в журнале "Знамя", я сказал, что в нашей академии большинство членов считают себя либералами, а истинных либералов оказалось лишь восемь. Потому что даже негативное эстетическое отношение к творчеству Сорокина не оправдывает равнодушия к судьбе коллеги, который подвергся преследованиям не за политические игры, как Э. Лимонов, а за суть его творчества, за смелость художественных приемов и языка.

Либерализм – еще и потому моя почва, что именно на его платформе возможно адекватное отношение ко всему спектру литературы "слева направо". Ю. Тынянов не думал, либерал он или нет, но все-таки видел весь спектр современной поэзии – от

В. Хлебникова до А. Ахматовой. Знаменитый лингвист (о котором писал ваш журнал) М. Панов с его авангардными вкусами ценил и традиционалистов. Получается, что люди именно либерального склада способны к восприятию и "Черного квадрата" К. Малевича, и стихов В. Хлебникова или Г. Айги, то есть им доступен самый новаторский вектор, даже если их собственные вкусы более консервативны.

Н.П.: То есть они открыты миру...

В.Н.: Да, причем не просто в поиске каких-то новых формальных приемов, а в таком антропологически бесстрашном взгляде на природу человека. Это помогает и многие социальные вопросы решать. Например, вопрос о зависти бедных по отношению к богатым. Вспомним, когда мы начали мыслить категориями экономической свободы в конце 1980-х гг., первое, что появилось, – это кооперативы (слово теперь совершенно забытое). И сразу пошли разговоры о богатых кооператорах. Они вызвали зависть уже тогда, хотя с нынешними богачами их невозможно сравнить. В те времена я в неформальных беседах с коллегами говорил: "Пусть будут люди богаче нас в 10 раз, но они станут двигать вперед экономику и создадут нам, занимающимся вечными ценностями, условия для работы". Мои собеседники морщились, полагая, что "в 10 раз" – это слишком... Я уже не говорю о том, какие чувства к "новым русским", к богатым испытывает сейчас подавляющая масса людей, в том числе и творческих работников.

Н.П.: Тут, я бы сказала, чувство зависти в данном случае опирается на воспитание в духе вульгарного ленинского представления о том, что эталоном высокого заработка должна быть зарплата квалифицированного рабочего. Кроме того, в советское время сама идеология отрицала какую-либо ценность труда капиталиста как организатора производства, его доход рассматривался исключительно как вычет из труда рабочего.

В.Н.: Согласен. У нас в сфере трудовых отношений господствовала искаженная картина мира. В этой связи можно вспомнить эпизод совсем из другой области. По поводу известного суда над Бродским у нас обычно говорят: "Какое это было безобразие – поэта осудили как тунеядца". Действительно, это была безобразная, преступная акция властей. Но преступность ее не в том, что *поэта* нельзя судить как тунеядца, а в том, что *сама уголовная статья* против тунеядства антигуманна.

Н.П.: Напомню, что, согласно действовавшему в то время законодательству, человек подлежал суду только за то, что у него нет постоянного места работы.

В.Н.: А человек имеет право не иметь его. Он может перебиваться случайными заработками, получать помощь родных или друзей, бродяжничать, просить подаяние. Главное – не добывать средства для жизни преступным путем. Антигуманность статьи о тунеядстве еще и в том, что в ней проявляется присущее нам страшное презрение к слабым. Ведь какие-то права должны быть и у людей бездарных, глупых, немощных, подверженных болезненным порокам... Они все нуждаются в помощи. Вот что я имею в виду, когда говорю: для меня либерализм – это гуманизм и реальная человечность.

Н.П.: Тут я бы вновь вернулась к статье Аннинского. Он утверждает, что либерализм идеологией быть не может. Это лишь определенный комплекс идей, а "либералы лишь заявляют о насущных проблемах, но сами проблемы решаются вне либеральных идей".

В.Н.: Думаю, здесь просто аннинский ехидный поворот мысли. Мне же кажется, что решение наших социальных проблем возможно только при проведении политики, в которой "прошита либеральная нить". То есть когда либеральные идеи не выведены за пределы политической жизни и за пределы деятельности властных структур.

Н.П.: Должны быть созданы условия для того, чтобы дать возможность человеку раскрыться, проявить свои способности в той области, к которой он более всего склонен. Кстати, один из основных аргументов противников развития либерализма в России состоит в том, что наша культура близка прежде всего Востоку, а там господствует традиционализм. В этой связи интересны реальные процессы, идущие ныне в странах Востока под воздействием глобализации, и их отражение в трудах ученых, выходцев из этих стран. Можно, в частности, назвать таких имеющих мировую известность ученых индийского происхождения, как Д. Лал или лауреат Нобелевской

премии по экономике А. Сен, книга которого имеет красноречивое название – "Развитие как свобода". Интересно, что в Индии, где сильный государственный сектор создавался по советскому образцу, бурное экономическое развитие последних лет связано не с ним, а прежде всего с созданием условий для частнопредпринимательской деятельности. Те же тенденции проявляются и в сфере образования: индийцы стали отдавать предпочтение частным учебным заведениям. В результате индийские программисты сегодня заполняют весь мир, вытесняют наших программистов с международного рынка труда. И сегодня эта страна традиционной восточной культуры обращает свои взоры к либеральным ценностям. А Лал в своей книге "Непреднамеренные последствия" показывает, что страна традиционной культуры вполне может воспринимать институты, способствующие ее быстрому развитию, созданные в обществах иной – либеральной – цивилизации.

В.Н.: Конечно, тут проблема очень непростая, но в своих ощущениях я склоняюсь к мысли, что "загадочная славянская душа" – все-таки с европейской общечеловеческой доминантой. И это надо иметь в виду, раздумывая о различных вариантах евразийского единства. Все же это должна быть Евразия, а не "Азиопа". Мне кажется, что наша социокультурная причастность к восточному авторитарному сознанию сильно преувеличена. Во всяком случае мой жизненный и литературный опыт говорит о том, что у русского человека (в широком смысле) все же преобладает вектор свободы. Это, может быть, вопрос даже не научного знания, а какого-то ощущения, интуиции. И тут нет противоречия. Вспомним недавно ушедшего от нас Ч. Айтматова: ведь он стал фигурой мирового масштаба, носителем общечеловеческих, либеральных, гуманистических ценностей, сохранив верность своим киргизским степям. В общем, по-моему, как в литературе XIX и XX вв. движущим началом была поэзия, "тянувшая" за собой прозу, так и в нашем современном "западно-восточном диване" все-таки динамическим фактором является европейское сознание с его либеральной доминантой.

Н.П.: Но тем не менее нельзя не признать, что масса людей творческих профессий отторгает либерализм хотя бы на вербальном уровне. В чем причина этого? Мне кажется, одну из причин неприятия современными российскими творцами реформ 1990-х гг. в частности и принципов либерализма в целом надо искать в том, что они оказались в ситуации трех исторических сломов. Первые два относятся ко всему нашему обществу и связаны, с одной стороны, с переходом от тоталитарного общества к рыночному и демократическому, а с другой – с процессами глобализации и переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. (Этот последний слом достаточно болезненно переживает сейчас и западный мир.) Но я бы выделила еще третий слом, касающийся организации жизни творцов в новом рыночном мире. Они попали в особо сложную ситуацию, так как вдруг оказались разрушены институты старой системы, позволявшие заниматься творческим трудом, а новые институты до сих пор практически не созданы, и жизнь большинства новых творцов оказалась в прямой зависимости от требований, предъявляемых им массовой культурой. Кто-то соглашается принять эти "правила игры" в ущерб творческим мотивам, а кто-то оказывается просто в бедственном положении. (Хотя при этом нельзя забывать и о тех трагедиях массы художников, так и оставшихся безвестными, которые не смогли встроиться в старые тоталитарные институты. Там также была своя конкуренция, основанная на иных принципах.) Но сегодня творцы, начинавшие свою деятельность в советскую эпоху, столкнулись с новыми, непривычными трудностями, и это невольно вызывает реакцию отторжения от всего, что происходило в ходе реформ. При этом не замечается, что основные проблемы кроются не в либерализме, не в избытке свободы, а в ее недостатке, в монополизме, препятствующем развитию частной инициативы. Более того, само наше государство всячески тормозит создание новых институтов, способных дать художникам независимые источники средств существования. Например, деятельность учреждений культуры (театров, музеев и т.п.) законодательно загоняют в ситуацию, препятствующую любой их коммерческой инициативе, до сих пор нет зако-

на о меценатстве, создаются препятствия для финансирования культурных инициатив, не санкционированных властью, и т.д.

В.Н.: Думаю, здесь есть зерно истины. Читая курс о нашей литературе советского периода, я подробно рассказываю об эксперименте по созданию государственной литературы и отстаиваю мысль, что эксперимент этот был неудачен (сейчас молодежи это нужно объяснять). Он продемонстрировал всю неплотность непосредственного вмешательства государства в литературный процесс, по сути сводился к поддержке слабых и конъюнктурных писателей, к устранению или травле лучших мастеров, препятствию свободе творчества. Конечно, были благополучные члены Союза писателей, пользовавшиеся различными благами в зависимости от их места в официальной иерархии, кто-то позволял себе писать "в стол", а кто-то цинично выпускал просто халтуру. И я пытаюсь донести до юных умов мысль, что связь литературы с народом, с государством должна осуществляться через такое звено, как общественные институты. Мы знаем о засилье массовой культуры, о том, что книжные прилавки монополизировали авторы типа Д. Донцовой или Б. Акунина, а серьезная литература и издатели, ее выпускающие, задыхаются. То есть наша книжная индустрия крайне негармонична. Но восстановить гармонию должно не государство, а те общественные институты, о которых вы говорите. Пока их ничтожно мало, практически нет.

Н.П.: И речь здесь должна идти об инициативах не только наших "олигархов" или просто новых миллионеров, а о создании среднего класса, способного создать массовый платежеспособный спрос на произведения искусства. Именно на такой базе формировались подобные институты на Западе в течение двух веков.

В.Н.: Я как-то прочел, что на Западе средний класс – это те, кто раз в три года меняют машину и покупают картины молодых художников. То есть вкладывают деньги не в антиквариат на известных аукционах, а в новое искусство. У нас таких примеров крайне мало. Конечно, наше общество в этом плане не институционализировано, а бизнес от проблем современной литературы очень далек. Правда, А. Чубайс учредил премию "Поэт", где я являюсь одним из членов жюри. Вот уже четыре года избранный нами лауреат получает 50 тыс. долл. Но это – капля в море. У современных литераторов нет даже своей "Бродячей собаки", где они могли бы просто собраться. И для решения этой проблемы, на мой взгляд, необходимы либеральное сознание, эксперты либерального склада мышления, которые бы "подталкивали" проведение политики, способствующей становлению и развитию нужных нам общественных институтов.

Н.П.: Но такое проведение либеральной линии довольно трудно. И например, Н. Иванова признает, что либералы отрекаются от либерализма, когда видят его трудности и не очень приятные последствия.

В.Н.: Как говорил В. Каверин, "у меня не политическая голова, у меня литературная голова". Тем не менее в ответственных ситуациях, когда возникал выбор: вести себя либерально или нелиберально, он действовал как либерал. А либерал, как мы говорили, открыт миру, способен поддержать даже небольшой талант, несмотря ни на что. Я, например, не помню случая, чтобы наши "хранители устоев" поддерживали каких-нибудь авангардистов или неконформистов. А либералы бывают весьма уступчивы. Иногда даже чересчур. Вот сейчас, скажем, некоторые либеральные критики приветствуют молодого националиста Захара Прилепина, купившись на его дешевую сентиментальность, приправленную квазирелигиозным ханжеством. Таковы неизбежные издержки либеральной "мягкотелости". Но зато нет никакого тотального сговора, никакого "либерального террора".

В целом согласен с Ивановой: на самом деле сейчас идентифицировать себя как либерала очень невыгодно. Нередко либералом приходится быть тайно. Впрочем, думаю, как со времен Пушкина и Грибоедова неуместно стало говорить: "Я – патриот", а потом сделалось неловким хвалиться: "Я – интеллигент", не всегда уместно заявлять: "Я – либерал". Но быть им – право каждого, и этого права у нас никто и ничто не отнимет.